

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ОТЦЕ — СТЕПАНЕ СЕМЕНОВИЧЕ ПОГНИРЫБКО

В. ПОГНЕРЫБКО

Со своим отцом — Степаном Погнырыбко — я жил до 1922 года, т. е. в течение 20 лет, а потом во время службы в кадрах Красной Армии тоже в течение почти 20 лет периодически раз в 3—4 года проводил свой отпуск у отца в г. Конопте. Первые мои воспоминания об отце относятся, примерно, к 1906—1907 годам, а каким он был до этого, я могу судить лишь по рассказам матери и современников отца. Сам же он не оставил никаких записей со своими воспоминаниями и по присущей ему скромности неохотно рассказывал о своих революционных делах, только иногда по какому-либо поводу, или уступая просьбам, приводил отдельные эпизоды из своей богатой событиями жизни. Поэтому в своих воспоминаниях я главным образом буду касаться того, что отражает духовный облик Степана Семеновича.

По национальности Степан Семенович был украинцем. Он горячо любил Украину, ее историю, язык, литературу, театр, украинские песни, природу, словом, все то, что связано с теми местами, где он родился, и где прошли его детство и юность, но ему была чужда национальная ограниченность — он был интернационалистом.

Среди его лучших друзей и знакомых, наряду с украинцами Супруном, Семененко, братьями Иваном и Федором Вовк, Кравченко и другими, были русские, белорусы, латыши и эстонцы, поляки, венгры,

1. С. С. Погнырыбко. Фотография
1902 года.

словаки, австрийцы и люди многих других национальностей, с которыми ему по тем или иным причинам доводилось общаться. Мне самому приходилось слышать, как Степан Семенович в разговорах с хуторянами-переселенцами латышами и эстонцами, а также с бывшими военнопленными первой мировой войны, работавшими с нами в литейной мастерской, высказывался в том смысле, что мы, мол, одна семья и делить нам нечего.

Его дружба с людьми основывалась не на том, кто какой национальности, а на общности политических убеждений и совместной борьбы с самодержавием, или контрреволюцией.

Значительную часть своей жизни он прожил на территории России, вместе с лучшими представителями российского пролетариата участвовал в подпольной революционной работе, сидел в тюрьмах, сражался на баррикадах, боролся за победу и упрочение Советской власти.

Отец знал и любил произведения Ивана Франко, Леси Украинки, Коцюбинского, Котляревского и других, но особенно Тараса Шевченко. Он во многом пытался подражать любимому поэту, даже во внешности: временами носил свисающие «хохлацкие» усы, даже в лютые сибирские морозы носил смушковую, как у Шевченко, шапку, в молодости, подражая Шевченко, пытался рисовать. Многие годы спустя я в старом доме в Конотопе видел карандашные рисунки отца, выполненные им в дни молодости. На рисунках были изображены нищие, кобзари и еще какие-то персонажи из поэм Шевченко. Все это были добросовестные перерисовки с чьих-то картин, но, вероятно, сам отец вскоре убедился, что у него нет таланта художника и больше не занимался этим. Во всяком случае, я никогда не видел его рисующим.

Степан Семенович любил произведения русских писателей-революционных демократов, а из них особенно ценил Некрасова. Помню, как вдохновенно он декламировал многие строфы из произведений «Мороз-Красный нос», «Железная дорога», «Арина-мать солдатская» и др. Восхищался творчеством Горького. Ему очень нравились многие герои его ранних рассказов. «Песню о буреви́стнике» отец знал на память. Роман «Мать» впервые мы прочли в 1922 году, читали, кажется, всей семьей. Помню, что тогда отец и мать были сильно взволнованы, ведь все, о чем там писалось, было для них таким близким, знакомым: и жизнь рабочей слободы Сормова, и события, и люди, которые, по их мнению, были или могли быть прототипами героев этого романа. Под впечатлением прочитанного отец и мать долго потом говорили о делах 20-летней давности и о своих встречах с Горьким.

Степан Семенович был хорошим семьянином: любил жену Ольгу Никофоровну и детей, заботился о них, старался воспитать в нас, детях, те качества, которые считал лучшими в человеке, и в то же время, обремененный большой семьей, со всем присущим ему пылом

отдавался революционной работе, нередко обрекая свою семью на невзгоды и лишения.

А семья у нас была действительно большая. За 45 лет супружеской жизни отец и мать имели 12 детей, из которых семеро умерли в детском возрасте. Отец, любивший детей, стойко переживал тяжелые утраты, революционную борьбу не оставлял. Характеризуя Степана Семеновича, Петр Заломов в письме писателю Д. М. Косарику в 1937 году отмечал: «Он любил жену и детей и не мог их бросить, но он не мог бросить и революционной борьбы, в которую вкладывал всю свою страстную натуру целиком». (Архив А. М. Горького Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии Наук СССР, ф. 394.)

Отец и мать относились друг к другу доброжелательно. Мать гордилась Степаном Семеновичем, считала его самым красивым, самым сильным и мужественным человеком. Для нас, детей, отношения между нашими родителями были образцом супружеской любви. Отец при обращении к матери находил много шутливо-ласковых слов, вроде: «Ах, ты моя товстенька!» или «Ах, ты моя Пинчучка!» (по ее девичьей фамилии), или иногда обращался к ней со словом «ненька». За всю жизнь дети ни разу не слышали, чтобы он оскорбил ее каким-либо грубым словом, хотя по натуре своей был человеком горячим.

У отца была склонность к романтике и ему импонировало то, что далекие предки жены были запорожскими казаками и ее родословная восходит, якобы, к временам Запорожской Сечи. Мать говорила, что отец в дни своей молодости рылся в архивах Конотопа или Батурина и вроде бы находил там какие-то подтверждающие данные. Он также считал, что слова песни запорожских казаков: «Ой, запив козак, тай запив Пинчук» — относятся именно к одному из далеких предков жены. Верно ли это, судить трудно, ведь фамилия Пинчук на Украине распространенная, но отцу, видимо, хотелось, чтобы было именно так.

В связи с участием отца в революционной деятельности наша мать Ольга Никифоровна испытала много тревог, забот и лишений, но она не только не препятствовала отцу, но даже кое в чем помогала.

Как это было в Сормове, естественно, мы, дети, знаем очень мало и только из скупых рассказов родителей, но в Красноярске, в годы реакции после революции 1905 года, я и мой старший брат Анатолий сами видели, как мать относилась к деятельности отца.

За участие в вооруженном восстании 1905 года отец сидел в красноярской тюрьме. Помню, как заботливо мать готовила ему передачи. Иногда она и меня брала с собой, когда носила эти передачи.

После выхода из тюрьмы с «волчьим билетом» Степан Семенович стал безработным, ни на одно предприятие его не принимали. По совету товарищей и при их содействии он открыл мелочную лавку. Все говорит о том, что эта лавка была только прикрытием конспиративной

2. Дом в Сормово. Здесь в 1902 г. был М. Горький в квартире Погнырьбко С. С.

квартиры партии. Есть свидетельства некоторых старых большевиков — участников революции 1905 года о том, что и после революции 1905 года он продолжал революционную работу в Красноярске.

Об этом же говорят и личные наблюдения мои и моего старшего брата Анатолия. После освобождения отца из тюрьмы наша семья занимала квартиру из 2-х комнат. В комнате, дверь и окна которой выходили во двор, жила наша семья, а во второй комнате с окнами на улицу прорубили дверь, сделали порог, установили что-то вроде прилавка, прикрепили несколько полок для бесхитростного копеечного товара. Вот и получилась мелочная лавка, в которой торговала и была хозяйкой наша мать.

Мы с братом помним, что в комнату с окнами во двор приходили какие-то люди, видимо, знакомые отца, иногда поодиночке, иногда собирались целыми компаниями, о чем-то вполголоса или шепотом совещались. Меня интриговала таинственность, которой все это было обставлено, хотелось послушать, о чем там говорят, но мать сама выходила в лавку, а нас, детей, посылала играть на улицу с заданием: в случае появления на улице полиции предупредить ее.

Мне хорошо запомнился один эпизод. Уже не помню, была ли тогда весна и таял снег, или только что прошел дождь, но по канаве за тротуаром бурно текла вода, и я пускал в ней бумажные кораблики.

Сначала я помнил задание матери «смотреть в оба», но потом увлекся забавой и вовремя не заметил идущих по тротуару двух полицейских. Увидел их, когда они уже были между мной и дверью лавки. Растерявшись, я бросился им наперерез и ворвался в лавку с диким воплем: «Мама, полиция!». Полицейские услыхали мой крик и следом за мной вошли в лавку. Там увидели только убогие товары да мать, отпускавшую какому-то покупателю его нехитрую покупку — папиросы. Однако полицейский, видимо, старший (запомнилось — с огромными рыжими усами), подозрительно спросил мать: «Чего это ваш мальчонка так спужался полиции?». Мать засмеялась и ответила полицейскому: «А я, господин полицейский, когда мальчик балуется, пугаю его, что отдам в полицию, вот он и боится полиции». Помню, полицейский самодовольно разгладил свои усы и сказал: «Правильно, начальства нужно бояться и уважать его!». При этом полицейский взял с прилавка пачку папирос, которую мать выложила для покупателя, и сунул ее себе в карман. Я видел все это и хотел сказать матери, что полицейский украл папиросы, но не успел, так как полицейские быстро ушли. Вечером отец ерошил мне волосы и с шутливой насмешкой говорил: «Эх, ты мой конспиратор!». Я, конечно, не знал тогда слова «конспиратор», но догадывался, что допустил какой-то промах. А мать мне разъяснила, что я прозевал полицейских, а, кроме того, я не должен был кричать о полиции во все горло, а нужно было потихоньку сказать ей о появлении полицейских.

Иногда в нашей квартире ночевали какие-то «посторонние» люди. Один случай мне и брату запомнился особенно хорошо. Ночевал, видимо, какой-то особенно важный «политический», потому что отец и его товарищи всю ночь дежурили и патрулировали по улице. Все это: какие-то секретные сходы на нашей квартире и ночевки в ней «посторонних» лиц и многое другое происходило не только с ведома нашей матери, но и при ее непосредственном содействии или участии.

При всей своей восторженности Степан Семенович во всех серьезных делах был трезво расчетлив, старался все предусмотреть заранее, в подпольной революционной работе был хорошим, опытным конспиратором, и ему удавалось избегать провалов, хотя жандармы и полиция следили за ним давно. Он не оставлял улик. В Сормове его не раз арестовывали, но за отсутствием, или недостаточностью улик вынуждены были освобождать.

Он был осторожен, но когда это требовалось для дела, смело шел на риск, например при изготовлении и распространении прокламаций под носом у полиции, когда нужно было уйти из-под наблюдения шпиока, или в других подобных случаях. Он был неистощим на всякие выдумки, часто делал то, на что не решились бы жандармы и полицейские, если бы были на месте революционеров, из-за рискованности,

необычайности и дерзости того или иного дела. Это отец называл «задушить голову полиции». Но эти необычайные, дерзкие поступки основывались на обдуманном расчете — расчете на психологию жандармов и полицейских. Отец говорил, что его расчеты были правильными и никогда не подводили.

Когда он работал литейщиком на Сормовском заводе (был партийным уполномоченным литейного цеха, по-нынешнему — секретарем парторганизации), рабочие выявили шпиона охранки. Они хотели избить его и всенародно разоблачить, чтобы охранка его убрала, но отец доказал, что делать это нецелесообразно, так как выявленный шпион уже не опасен, нужно только, чтобы революционные рабочие не болтали при нем лишнего. Шпиону же надо иногда подбрасывать какую-нибудь безобидную «пищу», чтобы охранка не убрала его за бездеятельность и надеялась на него. Отец говорил, что долго этому шпиону морочили голову, разыгрывая его и хитроумно подсовывая ему всякую чепуху.

Переезд нашей семьи на жительство в Сибирь тоже был основан на желании отца «задушить голову полиции».

В Сормове последний раз отец был арестован в начале 1903 года. Тогда же были арестованы Яков Михайлович Свердлов и ряд других нижегородских и сормовских революционеров, а 17 из них, в том числе и Степан Семенович, были отданы под суд за принадлежность к партии и противоправительственную деятельность. Судить должна была выездная сессия Московской судебной палаты, но следствию и охранке за многие месяцы не удалось собрать нужных для процесса доказательств, хотя сроки следствия с санкции Москвы и Петербурга несколько раз продлялись. Процесс отложили, следствие продолжалось, а обвиняемых, в том числе и отца, временно, до суда, выпустили из тюрьмы и отдали под особый надзор полиции.

Чтобы избежать суда, нужно было скрыться от надзора полиции, но куда? Отец рассудил так: если следствие соберет доказательства, то по суду он будет сослан в Сибирь, загонят его, как Заломова, в какую-нибудь глухую сибирскую деревушку, где нет никакой промышленности, и будет он там жить один, как волк на 8 рублей в месяц казенного содержания.

Отец со всей семьей добровольно переехал в Сибирь, скрылся от полиции, от следствия и суда, поступил на работу по специальности в Красноярские железнодорожные мастерские и продолжал революционную работу. Он считал, что человека, скрывшегося от суда, чтобы не попасть в Сибирь, будут искать прежде всего в промышленных городах центра России или Украины и не подумают о Сибири, какой мол чудак, чтобы избежать ссылки в «места не столь отдаленные», скроется именно в Сибирь.

Таким «чужаком» оказался отец, его расчеты оправдались — полиция потеряла его след, и в личности Степана Семеновича красноярская жандармерия разобралась лишь после его ареста на баррикадах во время декабрьского вооруженного восстания. Тогда же стали известны жандармскому управлению его сормовские «грехи», и то, что он был привлечен к дознанию Нижегородским жандармским управлением, но в октябре 1905 года сормовское дело уже было прекращено в соответствии с царским манифестом «О свободах».

Запомнился рассказ отца о том, как его допрашивали в Нижнем Новгороде в 1903 году в качестве обвиняемого по делу о принадлежности к запрещенной партии. После ареста его поместили в одиночную камеру Нижегородской тюрьмы. При водворении в камеру надзиратель сказал Степану Семеновичу: «Ого, вы, наверно, какая-то важная птица, если вас помещают в ту самую камеру, в которой раньше сидел писатель Пешков!». Может надзиратель соврал, но тогда отца взволновало это сообщение.

Долго отца не допрашивали. При живом, общительном характере отца ему было мучительно одиночество. Много дней он не слышал человеческого голоса, даже тюремщик делал все молча.

На первый допрос отца вызвал какой-то, видимо, важный чин. Он был любезен, угощал дорогими папиросами, называл отца по имени-отчеству, и вообще, как рассказывал отец, был «Сахар Медовичем». Он сказал, что нам, мол известно, что вы, хоть и рабочий, но человек развитой, можно сказать — интеллигентный и еще хотите учиться. Вам, мол, не по пути с темными рабочими-смутьянами, и в эту организацию вы попали случайно. Вот вы чистосердечно признайтесь во всем, расскажем, что знаете об организации, и мы вас освободим и даже предоставим вам возможность посещать занятия в техническом училище. Отец ответил, что он и рад был бы помочь следствию и хотел бы подучиться, повысить свою квалификацию литейщика, но что он может поделать, если он сам не состоял в запрещенной организации и даже не слышал о ней.

Потом были еще допросы, на которых отцу говорили, что его семья в тяжелом положении, бедствует без денег, а один ребенок тяжело болен и находится при смерти, но он, мол, безжалостный, бессердечный человек упорствует, не дает никаких показаний, тогда как ему необходимо побыстрее освободиться и вернуться к семье.

Отец знал, что со времени его ареста семья не имеет денег, знал, что, простудившись еще в младенческом возрасте, я целый год тяжело болел, и врачи говорили, что нет надежды, что я выживу. Все это тревожило отца, а к тому же он тогда не знал, что нелегальная касса помощи политзаключенным материально помогала семьям арестован-

ных, в том числе и нашей семье. Но он понимал, что следователь осведомлен о чертах его характера и пытается на них сыграть, обращается к его чувствам, хочет разжалобить и таким путем добиться признаний. Все уловки следователя были бесплодны.

Тогда стали применять разные провокационные методы. Вот один из них. Однажды следователь весело заявил, что напрасно отец упорствует, а другие обвиняемые, мол, уже признались и тем облегчат свою участь. При этом он размахивал «протоколом» допроса одного из обвиняемых, фамилию которого я уже забыл. Подпись была может и поддельной, но похожей. Отец попросил разрешения ознакомиться с протоколом, и следователь сначала «мялся»: мол, не положено знакомить обвиняемых с материалами до окончания следствия, но потом «милостиво» разрешил.

Внимательно читая протокол, отец обратил внимание на то, что обвиняемый, хотя и «признавался» в том, что состоял в нелегальной организации и называл фамилии некоторых других участников, в том числе и отца, но по существу об организации и ее деятельности в протоколе ничего не было, хотя отцу было известно, что этот, якобы, признавшийся обвиняемый, кое-что знал. В то же время в протоколе подробно и точно описывались факты встреч обвиняемого со Степаном Семеновичем и другими, т. е. то, что могло быть зафиксировано самой охранкой или полицией в результате слежки. Из этого Степан Семенович сделал вывод, что этот обвиняемый ни в чем не признался, а протокол является провокационной фальшивкой. Ввиду того, что место и время встреч слежкой были зафиксированы точно, отец не отрицал знакомства с ним, с этим обвиняемым, но утверждал, что во время таких «случайных» встреч разговоры были только о производственных и домашних делах, а о политике не говорилось ни слова. А по поводу «признания» обвиняемого в том, что он состоял в революционной организации, отец сказал, что тому, мол, признавшемуся, лучше знать, а я не знал этого, как вообще не знал, что такая организация существует.

После освобождения из Нижегородской тюрьмы он узнал, что Ладыхников, Кекишева, Рыбин и все другие обвиняемые по этому делу держались стойко, никаких показаний не дали, потому следствие зашло в тупик и процесс пришлось отложить, а обвиняемых из тюрьмы освободить.

Ко всякой работе — партийной, производственной, общественной или иной — Степан Семенович относился серьезно, начатое дело всегда доводил до конца, при этом проявлял трудолюбие, настойчивость и другие деловые качества. Если возникали какие-либо неполадки, он не успокаивался, пока не докапывался до причин и не устранял их.

Терпеть не мог разгильдяйства, халатности, неаккуратности, а также пьянства, драк и сквернословия и никогда не проходил мимо таких аморальных явлений, по мере возможности пресекал их.

А по складу характера он был веселым, жизнерадостным и смешливым. Любил добродушно подшутить, в окружающей жизни умел подметить веселые, смешные стороны или факты, которые иногда запоминал на всю жизнь.

Вот, например, еще до Октябрьской революции он ходил в ближайшую баню Мейеровича. Хозяин бани спал, видимо, одетым, зарывшись в пуховые перины, поэтому, когда поутру он выходил к посетителям, был похож на лешего: на волосах, в бороде, на одежде — всюду были пух-перо. Вид у него, наверно, был забавный, потому что, рассказывая о нем, отец смеялся до слез. С тех пор в нашей семье было заведено, что если отец кому-либо скажет с ласково-насмешливой укоризной: «Эх ты, Мейерович!» — тот внимательно осматривал себя — знал, что у него где-то прилепился пух или перья.

Или вот другой пример склонности отца к юмору. Раньше был обычай на Пасху во время «светлой заутрени» святить в церкви куличи, пасхальные яйца и разную другую праздничную еду. Один наш знакомый понес на блюде жареного или заливного поросенка под хреном. Когда он из церкви возвращался домой, произошла «авария». Это было весной, вокруг церкви верующие во время «крестного хода» размесили грязь, было скользко, а освещение было плохое — только мерцающие свечи верующих. Знакомый поскользнулся, блюдо наклонилось, «освященный» поросенок соскользнул с него и как был — с хреном и со всеми украшениями зарылся в непролазную грязь. Когда знакомый рассказал об этом происшествии, отец долго неудержимо смеялся, говорил, что свинья всегда останется свиньей, как ее не святить, а ее все равно в грязь-тянет.

Запомнилось мне и такое. Мы с отцом работали в литейном цехе мастерских Енисейского речного пароходства. Жаркий летний день, а в литейной особенно жарко — тут вагранка, горячее, остывающее литье. Во время обеденного перерыва рабочие перекусили и прилегли отдохнуть, а может и вздремнуть немного. Прилегли и мы с отцом, а недалеко от нас примостился здоровенный парень Петька. Он мает-ся от жары, ворочается и стонет: «Ой пить хочется!». Отец говорит ему: «Так ты, Петро, встань да попей, есть же вода в бачке!». Но тому лень подняться, и через минуту-две из его угла снова слышится: «Водички бы испить, а то и заснуть не могу!». Отец, вроде бы с досадой, роняет: «Что ты все зарядил о воде, да о воде, даже у меня в горле пересохло!». «Так я сейчас», — Петька стремительно вскакивает, бежит к бачку и приносит полную кружку и подает отцу: «Пейте на здоровье, Степан Семенович», но отец добродушно смеется. «Нет, мне уже что-то

расхотелось, ты сам выпей!». Парень сначала ошалело смотрит на отца, но потом рот его растягивается до ушей — до него уже дошло, улыбается: «Ох, и хитрый вы, Степан Семенович, ну, спасибо вам — напоили меня лентяя!». Он единым махом осушает кружку, когда относит ее к баку, опорожняет еще одну, потом снова укладывается спать и спокойно храпит до конца обеденного перерыва.

Из эпизодов, связанных с участием в революционном движении, отец рассказывал, главным образом, о таких, где была проявлена выдумка и дерзость. Так, например, он рассказывал, как заключенные Красноярской тюрьмы 1-го мая 1906 года вывесили красный флаг над зданием тюрьмы, или как подготовили и осуществили побег большой группы заключенных, которым угрожали смертная казнь или тяжелые репрессии, как руководителям и организаторам «Красноярской Советской республики» 1905 года и вооруженного восстания.

С особым воодушевлением он говорил об одной забавной детали этого побега, которая стала известной заключенным из рассказов надзирателей. Ночью бежавшие разошлись по укромным местам, чтобы переодеться, изменить свою внешность и скрыться. Один надзиратель, ночевавший дома и не знавший о побеге, утром спешил в тюрьму на дежурство. В одном из глухих переулков навстречу ему шел какой-то прилично одетый господин, который вежливо поздоровался с ним и сказал, что на государственную службу нельзя опаздывать, и каждый пошел своим путем. До самой тюрьмы надзиратель вспоминал, где он видел этого господина, лицо его вроде было знакомым, но припомнить, кто это такой, он так и не смог. Только в тюрьме надзиратель вспомнил, что это один из заключенных, которого он много раз видел в тюрьме. Надзиратель рвал на себе волосы, упустив возможность получить награды за задержание важного «преступника». Заключенные, в том числе и отец, потешались над этим случаем.

К тому, что Степан Семенович видел, слышал или читал, он подходил критически, старался разобраться в том или ином вопросе и нас, детей, с малолетства приучал думать и самостоятельно разбираться во всем. Приведу несколько примеров, правда, мелких, из быта, но и они характеризуют эту черту отца, а также его умение найти «подход» к детям.

Когда я был совсем маленьким, то любил поплакать; мать успокаивала меня, а я ревел во все горло и слезы текли у меня «в три ручья». Чем больше успокаивала меня мать, тем залиvistее я плакал, зная, что мать в конце концов начнет рассказывать мне сказку про сороку-белобоку, про козу-дерезу или еще про что-либо. А мне это и нужно было. Отец же никогда не успокаивал меня, наоборот, он говорил матери: «И что ты его успокаиваешь и уговариваешь? Может хлопец развивает свой голос, а ты ему мешаешь, дай ему поплакать сколько

С П И С О К

несообразности ат политическом отношеніи лицъ, принадлежащихъ къ преступной дѣятельности въ агитационнѣ и забастовкахъ, а 28-го Декабря 1905 года въ вооруженномъ восстаніи.

Имя, отчество и фамилія.	Въ чемъ обвиняется.
1. ГЛИЯКИНЪ, Федоръ Ивановичъ, 37 лѣтъ, крестьянинъ Владимірской губерніи Малиновскаго уѣзда, Гусевской волости и села. Токарь депо. <i>Гликинъ Федоръ Ивановичъ</i>	Политическія соображенія, въ 1903 году привлекался при Бийскомъ Губерн. Жандармскомъ Управленіи, политически неблагонадежный и принималъ активное участіе въ забастовкахъ рабочихъ и бродягъ.
2. ПОГНИРНИКО, Степанъ Семеновъ, 30 лѣтъ, мѣшанинъ г. Конотопа, Черниговской губ. Литейцкихъ Красноярскихъ мастерскихъ.	Въ 1903 г въ виду вреднаго вліянія на политическомъ отношеніи установлено наблюдение. Привлекался къ дознанію при Жандармскомъ Губ. Канцелярскомъ Управленіи и состоялъ въ бродяжеской организаціи.
3. РОСЛЯКОВЪ, Петръ Дементьевъ, 20 лѣтъ, крестьянинъ Енисейской Красноярскаго уѣзда, Сухобузимской волости и села, Слесарь Красноярскихъ мастерскихъ.	Привлекался къ дознанію при Бийскомъ Губернскомъ Канцелярскомъ Управленіи въ 1902 г. Состоялъ въ боевой организаціи.
4. БОНДАРЬ, Григорій Григорьевъ, 24 лѣтъ, крестьянинъ Енисейской губ. Канскаго уѣзда, Ухурской волости и Александровки, унатовъ Канцелярскихъ мастерскихъ, классическаго ученика.	Привлекался къ дознанію при Канскомъ Губерн. Канцелярскомъ Управленіи въ 1902 г. Состоялъ въ боевой организаціи.
5. ...	...

3. Фотокопія списка участниковъ вооруженнаго восстанія 1905 года въ Красноярскѣ, составленный Енисейскимъ губернскимъ жандармскимъ управленіемъ.

хочет!». Мне обидно, ведь я совсем не собираюсь развивать голос, мне просто хочется поплакать, но после слов отца я замолкаю.

При очередном моем «концерте» отец говорит матери: «То не штука, так плакать: очи заплащить, а рот раззявить и кричать во все горло, так может плакать всякий, ничего тут особенного нет, а вот у соседа дитина плачет по-другому — при открытых глазах и закрытом рте, это же надо уметь, не у каждого сразу может получиться». Заинтересовавшись, я начинаю экспериментировать, но у меня ничего не получается. Я, наконец, догадываюсь, что гораздо надежнее плакать старым, испытанным способом, но плакать мне уже расхотелось.

А то отец говорит матери шепотом, но так, чтобы я услышал: «Ого, какая большая муха летает по комнате! Вот у знакомых, когда хлопцев вот так ревел, муха залетела в рот, он ковкнул, но она застряла в горле и ни туда-ни сюда, пришлось ее проклятую из горла пальцами выковыривать, как бы и с нашим хлопцем такого не случилось!». Тут я отчетливо слышу жужжание мухи, открываю глаза, смотрю, где же в комнате эта вредная муха, а рот для безопасности закрываю. Когда я перестаю плакать, отец добродушно говорит мне: «А все-таки тебе можно голову задурить». Я понимаю, что отец обманул меня с этой мухой и решаю, что больше не поддамся на его уловки, но у отца шаблона нет, он богат на всякие выдумки.

Однажды, когда я плакал, а мать меня успокаивала, отец попросил ее не терять даром время. Потом он с интересом посмотрел в окно и вполголоса сказал: «И чья эта рябая собака забежала к нам во двор и гоняет курей, наверно, соседа?». «Собачий» вопрос меня очень интересует, ведь я знаю всех собак на нашей улице, но рябой что-то не помню, и меня удивляет отец — он такой большой и умный, а не знает, что у соседа собака не рябая, а рыжая. Однако, что же это за рябая собака, что забежала к нам во двор? Я перестаю плакать, подбираюсь к окну и пытаюсь взглянуть на эту таинственную собаку, но отец говорит, что она уже убежала, погнала куриц за угол хаты.

С малых лет Степан Семенович был искателем «правды, справедливости» и лучшей, светлой жизни. Сначала это был поиск какой-то «божественной истины», а потом в 17—18 лет он полностью вырвался из плена религиозных представлений и стал на путь революционной борьбы. Он понял, что светлой жизни можно достичь только путем революции, только в результате ожесточенной классовой борьбы. Он стал революционным борцом и оставался им до конца своей жизни.

О том, почему Степан Семенович был верующим и почему отрешился от веры, стал активным безбожником, можно судить по его собственным рассказам. Детство его было тяжелым, безрадостным, он рано потерял родную мать — ласковую, добрую Людмилу Семеновну и в доме появилась мачеха — злая и хитрая Марфа Савельевна. Отец

Степана Семеновича — Семен Михайлович, хотя по-своему любил сына, но сам имел суровый, угрюмый характер, к тому же был неграмотным и отсталым человеком, поэтому контакта с любознательным сыном у него не было.

В детстве Степан Семенович знал своего деда Михайлу, который прежде был моряком, побывал в дальних плаваниях, многое видел и знал. С большой теплотой отзывался о нем, как о человеке мудром и добром. Возможно, что именно от деда Михайлы Степан Семенович перенял манеру пофилософствовать и пристрастие ко всяким афоризмам и поговоркам.

С ранних лет ему пришлось зарабатывать себе на хлеб. Рано научился читать, и его потянуло к книгам, а какие книги мог ему дать дьячок сельской церкви села Подлипного вблизи Конотопа, когда Степан Семенович работал в этом селе подпаском? Это были: «Жития святых», Ветхий и Новый завет, послания апостолов и другие церковные книги.

Особенно сильное впечатление произвели на него легенды о жизни и деяниях святых-великомучеников: вот, мол, какие это были добрые и смелые люди — за правду, и чтобы другим людям было хорошо, они шли на смерть и на муки и ничего не боялись. Под воздействием прочитанного у Степана Семеновича возникли религиозные настроения, он стал верующим и только со временем изжил эти настроения и стал безбожником, притом воинствующим.

О том, почему и как отец отказался от религиозных заблуждений и какие обстоятельства этому способствовали, можно судить по его рассказам. Сначала он слепо верил тому, что написано в «священных» книгах, позже стал думать о прочитанном и у него возникли сомнения: в церковных книгах пишется одно, а в жизни совсем другое. Кроме того, и в книгах он стал находить некоторые противоречия и даже несуразности. Это порождало недоверие вообще ко всему, что написано в церковных книгах.

Шли годы, он стал подростком, начал брать книги в городской библиотеке, там на пытливого, смышленного паренька обратил внимание какой-то образованный человек, по словам отца — «ученый библиотечарь». Он руководил чтением отца, давал ему книги по природоведению, по истории и другим отраслям знаний, он же познакомил его с творчеством Шевченко, Некрасова, которые сразу же стали для отца любимыми поэтами. Большое впечатление произвела на отца антирелигиозная направленность ряда стихов этих любимых поэтов. Чтение полезных, разнообразных книг расширяло кругозор Степана Семеновича, и на многое он стал смотреть другими глазами.

В 14 лет в жизни отца произошло важное событие — он начал работать учеником в Конотопских железнодорожных мастерских, влился

в довольно большой рабочий коллектив этого предприятия. За 8 лет его работы в этих мастерских произошло многое: Степан Семенович овладел сложной профессией литейщика, занимаясь самообразованием, много читал, стал общаться с передовыми рабочими, потом стал посещать нелегальные сходки и собрания. Активно участвовал в «рабочих беспорядках» и в других формах борьбы рабочего класса того времени. Конечно, такая деятельность не могла остаться безнаказанной, он стал подвергаться репрессиям, а в 1896 или в 1897 году из мастерских был уволен и уехал из Конотопа, поступил работать на Брянский завод, а потом на Сормовский.

В нашей квартире я никогда не видел икон, в нашей семье религиозные обряды не соблюдались. Только до Октябрьской революции детей крестили в церкви, как это требовалось по закону. Вот и меня крестили в Сормовской заводской церкви, а моим крестным отцом был Петр Заломов. Все семью отец воспитал неверующими.

Отец наизусть знал тексты некоторых церковных книг, умело использовал это в спорах с церковниками и для антирелигиозной пропаганды, но из-за этого бывали и анекдотичные случаи.

Зимой 1909—1910 года мы переехали жить в гаежное село Баджей, вскоре там закончилось строительство церкви и приехал священник — Василий Орлов. Он стал знакомиться с прихожанами, зашел и к нам в дом и был обескуражен тем, что никто не подошел к нему за благословением, и он не увидел икон — чуть не перекрестился на портрет Шевченко. Но отсутствие икон он объяснил тем, что мы еще не устроились в новом доме. Мать угостила попа чаем с пирогами, а дальше у него завязалась беседа с отцом. На вопросы попа отец отвечал уклончиво: он не хотел раскрываться, что был участником революции 1905 года, что сидел в тюрьме и что переехал в деревню потому, что его в городе нигде не принимали на работу. Не хотел он сразу раскрыться перед попом, что является неверующим, поэтому, когда поп привел что-то из священного писания, он обрадовался возможности перевести разговор на более безопасную тему, тоже привел какие-то цитаты из церковных книг, а дальше их продолжительный разговор состоял из взаимного обмена цитатами: мол, помните, там-то написано то-то и то-то... Поп был поражен, что отец так хорошо разбирается в текстах церковных книг и решил, что он раньше был каким-то церковным служителем. Отец был доволен тем, как он заморочил голову попу и тем избежал дальнейших неприятных расспросов, но дело обернулось неожиданным образом.

Когда отец по каким-то делам был в Красноярске, поп собрал прихожан, чтобы решить ряд вопросов, в частности, выбрать церковного старосту, а на эту должность рекомендовал... Степана Семеновича. Верующие возмутились и рассказали, какие разговоры, направленные

против бога, религии и церкви, ведет отец. Кандидатура отца, конечно, отпала, а поп Василий был потрясен тем, как отец ввел его в заблуждение и поставил в глупое положение перед прихожанами. С тех пор поп Василий люто возненавидел отца.

В 1910 году я учился в I классе церковно-приходской школы, а закон божий преподавал там этот самый священник Василий Орлов. Отец интересовался тем, что рассказывает на уроках «батюшка», говорил мне и моему другу Яшке: мол, интересно как бы ответил ваш «батюшка» на такие-то вопросы.

Мы с Яшкой догадывались, что к чему и досаждали попу всякими каверзными вопросами, до которых сами не додумались бы.

В 1920—1921 гг. мы, комсомольцы Красноярска, иногда устраивали антирелигиозные шествия-карнавалы с чучелами попов и святых, с песнями вроде: «Сергий поп, Сергей поп, Сергей дьякон и дьячок», с соответствующими лозунгами и плакатами. Отец неодобрительно отзывался о таких формах нашей работы, говорил, что эти шествия мы проводим только для себя, чтобы показать, какие, мол, мы безбожники, а человека верующего этим можно оскорбить, он посмотрит, плюнет и пойдет своим путем, а вера его останется при нем. Антирелигиозную работу, говорил он, нужно проводить более тонко, осторожно, обдуманно.

Степан Семенович был человеком отзывчивым, добрым. Он был высококвалифицированным специалистом литейного производства, знал многие его тонкости, но в секрете их не держал, охотно делился ими с товарищами. Оказывал материальную поддержку нуждавшимся людям, даже когда сам испытывал трудности. Свою помощь другим он никогда не афишировал, считал это делом обычным. Так через четверть века после смерти отца я узнал, что в период сибирской ссылки Заломова он оказывал Заломову материальную помощь. За многие десятки лет мы не раз говорили о нем, но никогда отец даже не заикнулся об этом. А узнал я о том, что такая материальная помощь была, только из письма самого Заломова, хранящегося в архиве А. М. Горького.

Примеров отзывчивого отношения отца к людям можно привести множество, но я приведу лишь один. В 1919 году в период колчаковщины мы с отцом жили в Красноярске, работали на заводе, ютились в землянке возле завода на окраине города в рабочей слободке Таракаровке. Брат был где-то в отъезде, а мать с младшими детьми в это время жила в партизанском районе, блокированном войсками колчаковцев и интервентов, и мы были от них отрезаны. Жили мы в ту пору очень скудно: в магазинах было пусто, а крестьяне в город ничего не везли. Если отцу иногда удавалось раздобыть где-то краюху хлеба, то это было целое событие. Хлеб был сырой, наполовину с мякиной, но

и ему мы были рады, потому что и его мы не видели по многу дней. Но вот однажды поздно вечером отец пришел веселый, принес полбуханки настоящего хлеба: душистого, аппетитного. Напару с товарищем он выменял его у приезжего крестьянина за какие-то вещи. Отец сказал, что мы поделим этот хлеб пополам, а потом каждый свою часть разделит на три дня, потому что в ближайшие дни вряд ли удастся добыть еще что-либо из съестного.

При свете копилки он уже собрался делить хлеб, я с тоской прикидывал на глазок: какой же маленький кусочек мне придется съесть сейчас? Я работал на заводе, во вторую смену учился в школе, а еще с увлечением занимался спортом, к тому же я еще рос, ведь мне было 17 лет. Понятно, что я в ту пору всегда был голоден и мог бы в один присест съесть весь хлеб, который принес отец.

Отец собирался приступить к дележке хлеба, а в это время дверь землянки распахнулась и через порог на пол землянки упал в клубах морозного воздуха какой-то человек. Мы подняли его и усадили на скамейку. По указанию отца я дал ему теплой воды. Это был китаец, очень изможденный. Горящими глазами он смотрел на хлеб и еле шептал: «Кусать!». Отец сказал ему: «Вот что, друг, ты видишь хлеб — это все, что мы имеем, мы хотели разделить его на двоих, а теперь поделим на троих!». Он так и сделал, потом от порции китайца отделил небольшой кусочек и дал ему есть, а остальной его хлеб завернул в тряпицу и сунул ему за пазуху, предупредив, что сразу много есть нельзя.

Подкрепившись и придя в себя, китаец поблагодарил и ушел. Отец вышел с ним и указал ему, в каких избушках поселка он сможет добыть себе еще чего-либо съестного.

Когда отец вернулся, он увидел, что я уныло рассматриваю сильно уменьшившиеся порции и подбодрил меня: «Ничего, мы еще крепкие и выдержим, а этот человек дошел уже до ручки, может этот кусок хлеба спасет ему жизнь, и может он еще будет полезен людям!». Так отец преподнес мне наглядный урок великодушия и доброты.

К животным Степан Семенович относился гуманно, никогда их не бил, охотой никогда не занимался, даже зарубить курицу ему было трудно. Однако вегетарианцем он не был, мясные кушанья, приготовленные женой, или рябчиков и иную лесную дичь, которую я приносил из тайги, он ел охотно.

Речь у Степана Семеновича была живой, выразительной, остроумной. Она изобиловала всякими синонимами и образными сравнениями. Он знал множество всяких поговорок, пословиц и украинских «присказок» и умело, к месту их употреблял. И по интонации речь его была очень разной: то спокойно-рассудительной, то страстно-полемиической, то добродушно-шутливой, порой язвительно-насмешливой. Это

в зависимости от того, с кем и о чем он говорил. Заломов отмечал, что когда Степан Семенович выступал на собраниях, он порой увлекался и тогда голос его гремел.

У Степана Семеновича была манера иногда употреблять выражения из церковно-славянских книг, например: «Ищите и обрящете!», «Духа живого не угашайте!», «Рука дающего не оскудеет!», «Таланты в землю не зарывайте!», «Ни единым хлебом человек жив будет!» и подобные им. Ничего «божественного», религиозного в этих выражениях не было, нравились они отцу потому, что соответствовали его взглядам и настроениям. Он считал, что тут выражены житейская мудрость и наблюдательность древних народов. А церковно-славянский язык отцу нравился своей звучностью и тем, что им в двух-трех словах можно передать большие мысли. Слушали отца всегда внимательно, прислушивались к каждому слову.

Как рабочий высокой квалификации и дефицитной в то время специальности Степан Семенович порой на сдельной работе зарабатывал неплохо, но ему чуждо было стяжательство, не было у него стремления к приобретательству. Вероятно, тут сказывался его характер, а еще имело значение то, что ему часто приходилось переезжать из города в город, с квартиры на квартиру. Но когда ему все же приходилось приобретать вещи, он был склонен покупать добротное, красивое, такое, что было ему нужно и нравилось. К таким вещам он относился бережно, не портил их, не терял. Служили они ему долго. Вот, например, хорошие карманные часы, которые он купил еще в молодости, служили ему всю жизнь, а после его смерти перешли к старшему сыну Анатолию как семейная реликвия, как память об отце.

Как человек мастеровой, он имел пристрастие к разного рода инструментам, а эти инструменты были отменного качества, всегда были наточенными, содержались в порядке. Когда он давал их нам, детям, или соседям, то строго-настрого предупреждал, чтобы обращались с ними бережно и «не посадили на гвоздь».

Одевался он хорошо, а в молодости — даже придерживался моды; в ношении одежды, да и во всем, был аккуратен. Не любил, когда мы что-либо ломали или портили. При нем нельзя было выбросить кусок хлеба, даже несвежего. В таких случаях от него можно было услышать рассуждения о том, что это плоды человеческого труда, а труд надо ценить и уважать.

Из-за этого мне в детстве порой казалось, что отец излишне скуповат, но этого, конечно, не было: он мог подарить товарищам ценные вещи и щедро угостить их, не жалел денег на газеты, книги и другие культурные нужды. Мать рассказывала, что в период жизни в Сормово она часто ходила с отцом на всякие спектакли и постановки в Ниж-

ний-Новгород, где тогда выступали труппы Садовских, Кропивницкой, Федор Шаляпин и другие знаменитости.

До конца жизни отец интересовался книгами. Имел неплохую личную библиотечку, а в ней мне запомнились книги: «Кобзарь» Шевченко, сборники стихов Некрасова, «Досвітні вогни» — сборник избранных стихов украинских поэтов, «Популярная астрономия» Камилла Фламариона, «Ассирия и Вавилон», «Жизнь европейских народов» Водовозовской, «Литейное производство» — перевод с немецкого. Были солидный трехтомник — Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, немало книг по эстетике, по зоологии, технологии и другим отраслям знаний, а также художественная и иная литература — всего я не помню. Почти все книги были издательства «Знание» и приобретены в Нижнем-Новгороде в книжном магазине этого издательства.

Отец работал на тяжелой работе, поэтому любил плотно покушать, да и вся семья, когда была возможность, питалась сравнительно неплохо. И товарищей он любил угостить. Иногда на столе появлялось вино, но сам отец пил очень редко и мало — одну-две рюмки, и то только, чтобы «поддержать компанию». За всю жизнь ни разу не видели отца пьяным или «крепко выпившим».

Были у нашей семьи и голодные годы — иногда очень голодные, но отец никогда не хныкал, не поддавался унынию. Бывало, сам доходил до крайней степени истощения, но всех нас подбадривал, что, мол, все эти трудности временные, и мы их переживем, не надо только падать духом. Он был оптимистом, верил в светлое будущее и старался в нас вселить такую веру и бодрость.

По складу своего характера Степан Семенович был новатором, всегда он был в поиске. Работая на производстве, он все что-то изобретал, вносил рационализаторские предложения. После Октябрьской революции не одно его предложение было внедрено в производство. Когда ему в годы реакции пришлось заняться сельским хозяйством, он и там стал что-то внедрять, экспериментировать с семенами, с удобрениями и обработкой почвы. Еще в начале века, когда в Сибири понятия не имели о кукурузе, он выписывал с Украины семена «пшенички» и пытался сеять кукурузу, хотя бы на корм скоту. Пробовал разные способы посадки картофеля, например, «датский». Придумывал и изготовлял какие-то особые сошники для окучивания и разные другие орудия и приспособления для сельского хозяйства. Знал множество рецептов замазок, клеев и прочего, потребного в домашнем хозяйстве. Когда в годы гражданской войны и разрухи совершенно не было спичек, и люди пользовались кремнем, «кресалом» и трутом, отец сам делал спички, изготовляя всякие зажигательные смеси, сам придумывал и делал какие-то резак

ломки. У него были обширные знания, смекалка и, как говорят, «золотые руки».

И вот этот новатор, сторонник нового, прогрессивного, передового проявлял интерес к седой старине.

Он рассказывал, что еще будучи ребенком и подростком, мог часами слушать «думы» и рассказы слепых кобзарей, которые в то время бродили еще по Украине. Когда вырос, с интересом читал книги по истории. Перед Великой Отечественной войной, когда в Конотопе началось строительство больших зданий и рыли котлованы, он находил время бывать там — искал и находил древние монеты, черепки и различные предметы — следы материальной культуры прошлого. Все интересное он сдавал в Конотопский краеведческий музей. Туда же он подарил несколько номеров ленинской «Искры» и ряд ценных материалов по истории революционного движения конца XIX — начала XX века, которые бережно хранил в течение нескольких десятилетий.

В 1941 году, с началом войны, отец с Украины эвакуировался в Сибирь, в город Абакан Хакасской автономной области. Был он уже тяжело болен, но сказывался его кипучий, неугомонный характер: он установил связь с Хакасской опытной сельскохозяйственной станцией, что-то до последних дней экспериментировал, интересовался древней оросительной системой хакасов и возможностью ее восстановления и реконструкции, проявлял интерес к раскопкам древних хакасских могильников.

До последних дней жизни он проявлял интерес к событиям международной жизни и положению в стране, ежедневно по газетам и радио следил за сводками о положении на фронтах Великой Отечественной войны, тяжело переживал наши неудачи того времени, но твердо верил, что фашистская Германия будет побеждена.

Но ему не довелось дожить до Дня Победы, 16 июня 1942 года он умер от паралича сердца. Похоронен на Абаканском городском кладбище.

Г. Каунас, 1974